

Однако, несмотря на это, демократизация общества продолжалась. Высшие феодальные сословия беднели и приходили в упадок, земельная собственность раздроблялась, а буржуазия обогащалась и возвышалась, происходило сближение господствующих классов. Перед революцией имущее французское общество представляло собой почти однородную массу, и поэтому бессословный строй мог установиться почти безболезненно. Между тем общество уже давно было лишено политической свободы: генеральные штаты не собирались с начала XVII в. Уничтожая феодальные учреждения, короли насаждали бюрократическую централизацию, местное самоуправление, по существу, было ликвидировано, массовое недовольство возбуждал союз духовенства с королями. Правительство, разобщая классы, глушило всякий дух общественной самостоятельности и держало общество под так называемой "стеснительной опекой". В такой обстановке разразилась революция 1789 г.¹³

В своей работе Токвиль стремился показать, что революция, нацеленная на уничтожение феодально-монархических порядков, на самом деле очень многое заимствовала из них и оказалась как бы продолжательницей того дела, которое медленно и постепенно совершала абсолютная монархия. Многие из того, что принято считать результатом революции (создание сильной централизованной власти, уничтожившей остатки средневековой раздробленности, уравнивание граждан в правах), постепенно осуществлялось еще дореволюционным правлением. Если бы революция не осуществилась, социально-политические преобразования все равно совершились бы, но постепенно. Монарх, по мнению Токвиля, менее опасный новатор, нежели революция. Революция же, утверждает Токвиль, породила деспотизм, создав столь могущественную абсолютную власть, какой не знала монархия¹⁴. Убедительно выявляя генетическую связь нового со старым, Токвиль ставил под сомнение прогрессивное значение революции и подводил читателя к тому выводу, что предпочтительнее для общества – эволюция.

¹ См.: Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С.199–200, 371–372, 496–497.

² См.: Там же. С.373.

³ См.: Там же. С.201–202.

⁴ См.: Там же. С.191–192, 195.

⁵ См.: Там же. С.214 и след.

⁶ См.: Там же. С.64 и след.

⁷ См.: Там же. С.102 и след.

⁸ См.: Там же. С.178–179, 181–182.

⁹ См.: Токвиль А. Воспоминания. М., 1893. С.19–21, 71–73.

¹⁰ См.: Там же. С. 230–232.

¹¹ См.: Токвиль А. Демократия в Америке. С.371–373.

¹² См.: Он же. Старый порядок и революция. М., 1911. С.34–61.

¹³ См.: Там же. С.68, 110 и след.

¹⁴ См.: Там же. С.200 и след.

А.И.ЛЫСЮК

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Категория "политическое лидерство" относится в современной политической науке к числу тех дефиниций, содержание которых все еще дискуссионно. В первую очередь объясняется это относительной новизной, что естественным образом предопределяет гносеологические трудности ее терминологической идентификации, тем более, что родственные дефиниции – "власть", "господство", "руководство", "управление", "авторитет" – имеют уже многовековую традицию.

Кроме этого, однозначность определения термина "политическое лидерство" существенно осложняется и тот факт, что его генезис исторически восходит к психологическому стереотипу лидерства, характеризующему интеграционные процессы в малой группе. Некритическое же применение психологической дефиниции "лидерство" к большим социальным образованиям не только чрезмерно психологизирует феномен политического лидерства, но и неизбежно порождает ошибки в выборе базовых переменных.

Адекватное понимание феномена политического лидерства затрудняло и то, что исторически он исследовался в рамках категориальных систем, отличных от современных, что потребовало от современных исследователей тонкой "реставрационной" работы, направленной на выявление его специфического содержания.

В результате сложилась ситуация, когда, несмотря на огромное количество работ по лидерству в целом и политическому лидерству в частности, в современной политической науке отсутствует общая теория политического лидерства как методологическая основа прикладных исследований. Для решения данной проблемы, по нашему мнению, целесообразно свести множество трактовок лидерства к неким общим интегративным основаниям, имеющим универсально-исторический характер. Для этого следовало бы в качестве первого исследовательского шага вычлнить группу характеристик лидерства, о содержании которых, как и о формах их проявления, наблюдается своеобразный консенсус исследователей.

Во-первых, речь идет о единстве исследовательских подходов к рассмотрению политического лидерства как субъектно-объектного взаимодействия, в процессе которого между лидером и последователями осуществляется коммуникативная и интерактивная связь, обмен ресурсами, символами и возможностями. Особое значение здесь приобретает сопряжение их мотивов, целей и ценностей при активном включении механизмов социальной перцепции¹.

Во-вторых, проявляется некоторое единство точек зрения и в определении основных структурных компонентов лидерства (лидер – последователи – способ их взаимодействия – институциональная и социокультурная среда – ситуативные обстоятельства)². Различия же между исследовательскими позициями заключаются в степени акцентации, т.е. придания наибольшей (детерминирующей) значимости тем или иным структурным элементам лидерства, а также способам взаимосвязи и взаимозависимости между ними.

В-третьих, концептуальная идентичность наблюдается и в признании властной природы политического лидерства. Классическим в этом отношении является суждение Дж.Блонделя, определяющего лидерство как власть, осуществляемую сверху вниз с тем, чтобы побудить членов нации к действиям³. При этом политологов интересует не власть как таковая, а те ее проявления, которые сфокусированы, сконцентрированы в деятельности конкретной политической персоны, что неизбежно предполагает: а) волевой акт лидера; б) признание последователями его права на осуществление власти; в) асимметричное распределение между ними социальных ресурсов. Политическая власть в системе лидерства всегда конкретно персонифицирована.

В-четвертых, тождество точек зрения проявляется и в признании за функциями политического лидерства их ориентированности на выполнение координационно-интегративной и управленческой деятельности.

Приведенные универсальные характеристики политического лидерства в силу их абстрактности и схематичности позволяют выделить только внешние, эскизные контуры лидерства, пересекающиеся к тому же с родственными феноменами. Для того чтобы четко обозначить сущностные параметры лидерства, его качественную определенность, необходимо эти универсальные характеристики дополнить содержательно-специфическими. Так, по нашему мнению, феномен лидерства присущ только обладателям первых властных позиций, независимо от уровня и специфики политической иерархии. Поэтому политическим лидером является как глава государства, так и формальный или неформальный лидер малой группы, деятельность которой политизирована. При подобном подходе лидер является частью политической элиты, и основная функция его проявляется в принятии политических решений. Реализовывать эти решения призвана бюрократия, а разрабатывать варианты решений – интеллектуалы.

Политическому лидерству имманентно присущ субъективно-индивидуализированный характер. В соответствии с этим в теориях лидерства в первую очередь анализируется, как личность воздействует на политический процесс. Политические же институты, социальные и правовые нормы, традиции, средовые

и ситуативные обстоятельства выполняют при этом лишь роль внешнего фона и инструмента реализации целевых установок лидера. Именно этой особенностью политическое лидерство отличается от политического господства, которое практически полностью исключает из сферы своего интереса личностные характеристики политических деятелей, акцентируя внимание на осуществлении власти посредством социальных институтов, норм и идеологий. В соответствии с рассматриваемыми особенностями политическое лидерство носит преимущественно легитимный характер, т.е. основанный на социально-психологическом принятии последователями власти лидера. Здесь легальность выступает лишь внешним обрамлением лидерства, в то время как при политическом господстве именно легальность является его ключевой конструкцией, обеспечивая формально-юридическое закрепление властных полномочий за определенными институциональными политическими субъектами. В целом же политическое лидерство и политическое господство являются взаимодополняющими сторонами целостного механизма осуществления политической власти.

Отличительной особенностью политического лидерства является активная роль в его системе последователей, т.е. определенных групп людей, для которых политическая воля лидера является непосредственным импульсом политического поведения⁴. Объясняется это самой природой лидерства, сущностно основанной на "сцепке". "сопряжении" деятельности лидера и его последователей. Последователи в этом взаимодействии являются объектом, но объектом своеобразным, "инверсионным", т.е. периодически трансформирующимся в субъект. В этом случае взаимодействие лидера и последователей приобретает более сложную, субъект-субъект-объектную форму, где в качестве объекта выступают цели и ценности, по поводу которых осуществляется взаимодействие. Коммуникационная связь при этом утрачивает монологичный характер и осуществляется на диалогичном уровне. Активно воздействуя друг на друга, лидер и последователи создают конкретное проявление и конкретную стилистику политического лидерства, в котором переплавляются в новую целостность первоначально порознь существующие их мотивы, ценности и действия.

Взаимозависимость и взаимовлияние деятельности лидера и его последователей предполагают и специфические способы их взаимодействия. Если в системе политического господства иерархические связи осуществляются по институционально формализованной оси "приказ-подчинение", которой присущи официально узаконенные санкции и вознаграждения, то в системе политического лидерства на первый план выходят личностные способы подчинения последователей, основанные на субъективном оправдании и переживании политической власти лидера. Речь идет и о различных способах психологического воздействия (подражание, заражение, внушение, убеждение), и о ментально-ценностной идентификации, и об умении лидера распоряжаться социальными ресурсами, и о представительстве им интересов последователей.

Перманентное сопряжение деятельности лидера с деятельностью последователей обязывает его постоянно обосновывать свое право на осуществление власти и убеждать, что для этого он обладает соответствующей силой и ресурсами. Даже средневековый монарх, при всей устойчивости монархии как социального института, вынужден был каждодневно подтверждать свои властные полномочия в борьбе с внешними врагами, знатью, церковными институтами, ересями и пр. И совсем уж прозрачно и определенно выступает в современном либеральном обществе необходимость демократическому лидеру заручиться политической поддержкой соответствующих групп населения для овладения и сохранения властной позиции.

В свою очередь, последователи находятся в состоянии перманентной оценки деятельности лидера и соответствующего влияния на него. Разумеется, возможности их влияния на политических лидеров в разных конкретно-исторических ситуациях существенно отличаются. Однако в целом, в той или иной степени, в той или иной форме, плебисцитарный характер политического лидерства сохраняется на протяжении столетий.

Специально следует остановиться на широко распространившихся в последние годы концепциях, которые вводят в систему политического лидерства ценностно-нравственные характеристики. Например, согласно М.Бернсу, лидерство может быть только нравственно-воспитательным, так как обращено к фундаментальным желаниям, ценностям, нуждам, устремлениям последователей⁵. По этому критерию, аналогично Аристотелю, различавшему тирана и царя по степени отражения в их деятельности совокупного интереса социума, проводится разграничительная линия между лидером и тираном. В свою очередь, сторонники "провидческого реализма" закрепляют лавры лидера за таким политиком, который, обладая даром ставить перспективные цели и их реализовывать, берет на себя ответственность за их осуществление⁶. Со своей стороны, Ю.Ходыко различает лидеров и псевдолидеров, последние из которых, обладая ролевыми властными позициями, в отличие от первых, не могут именоваться лидерами из-за своей безвольности, безликости, неспособности воздействовать на политическую ситуацию и соответственно брать на себя ответственность⁷.

На наш взгляд, введение ценностно-нравственных параметров в систему политического лидерства контрпродуктивно и существенно осложняет понимание этого феномена, ибо в таком случае определение его содержательных характеристик будет предельно субъективизировано и зависимо от идеолого-теоретической оптики исследователя.

Таким образом, политическое лидерство содержательно является одной из форм субъектно-объектного взаимодействия, направленного на организацию и интеграцию деятельности определенного социума посредством концентрации политической власти, влияния и воли у отдельного политика, занимающего доминирующую властную позицию. Основным средством реализации властной воли является искусство лидера оперировать находящимися в его распоряжении личностными и социальными ресурсами.

¹ См.: Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996. С.9–10; Fidler F.E. A Theory of Leadership Effectiveness. New York, 1976; Herrzog D. // Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1990. S.45.

² См.: Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-н-Д., 1993. С.229–230; Лысюк А.И. // Человек и политика. Брест, 1996. С.44–45; Херманн М. // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С.98.

³ См.: Блондель Ж. Политическое лидерство. М., 1992. С.9–10.

⁴ См.: Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. С.126; Пригожин А.И. // Общественные науки и современность. 1996. №3. С.26.

⁵ См.: Burns M. Leadership. New York, 1978. P.4.

⁶ См.: Штукина Т.А. // Вестник МГУ. Сер.12. Социально-политические исследования. 1994. №4. С.33–34.

⁷ См.: Ходыко Ю.В. // Материалы научно-практической конференции "Формирование общественных лидеров в посткоммунистическом обществе". Мн., 1997. С.35–36.

Е.А.КЕЧИНА

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ

Возможности и творческий потенциал человека как личности являются важнейшим фактором развития общества. Направление этого развития, прогресс или регресс человеческих сообществ во многом определяются личностными качествами людей, их творческими способностями, возможностями, которые предоставляет им общество для раскрытия и проявления этих способностей. Поэтому научно-объективные, комплексные, затрагивающие различные стороны жизнедеятельности людей исследования проблем развития человека как личности в определенных конкретно-исторических условиях являются важнейшими задачами современной науки, и социологии прежде всего.

Сложность и многогранность личности, большое количество факторов, влияющих на процесс социализации, своеобразие и разнообразие явлений, сопутствующих формированию человека как личности, требуют накопления и